

Мунца Владимир

4.04.03

На службе ее величества КПСС

Коммерсант, 8. 21. 2003 - 4 стр.

ВЫСТАВКА архитектура

В Союзе архитекторов проходит выставка, посвященная 100-летию юбилею Владимира Мунца. ГРИГОРИЙ РЕВЗИН неожиданно обнаружил, что главный архитектор советских вооруженных сил, построивший Академию имени Фрунзе, был в душе истинным британским джентльменом.

Музей архитектуры занят бременской коллекцией, посему выставку Мунца решили делать в союзе и крайне скромно. В основном она состоит из старых фотографий хрестоматийных зданий Мунца — Академии Фрунзе, Министерства обороны на Фрунзенской набережной, генеральского дома на Садовой, Дома правительства в Баку, а также нерезких фотографий с чертежей и рисунков, ксероксов с чертежей и фотографий. Сначала даже оторопь берет от такой мизеральности. Статус главного архитектора вооруженных сил (Мунц не только строил прекрасные здания для Минобороны, но еще и оформлял разнообразные празднества, вроде выставки трофейных вооружений в Парке культуры в 1945 году) вроде бы предполагает несколько более торжественное мероприятие, тем более что лучшего архитектора у нашей армии в ее истории не случилось. Да и человек, создавший архитектурный образ азербайджанской государственности, мог бы, казалось, рассчитывать на лучший прием.

Однако по мере изучения развешанного по стенам фойе некачественного выставочного материала обнаруживаешь, что за этой непрезентабельной интонацией есть какая-то другая, несколько неожиданная тема. Тут особую роль играют два обстоятельства. Во-первых, здание Академии имени Фрунзе представляет собой чрезвычайно типичный памятник ар-деко. В советское время это так не называлось, в начале 90-х казалось феноменальным открытием, сегодня, хотя история русского ар-деко так и не написана, превратилось в некоторую самоочевидность. Строгий монументальный раппорт бесконечно повторяющихся квадратных окон настолько характерен, что это здание с успехом может претендовать на первые развороты роскошных альбомов по европейскому ар-деко, которые теперь издаются во множестве в связи с тем, что стиль вошел в моду у антикваров и коллекционеров. Уникальное и очень характерное именно для этой стилистики сочетание необыкновенной мощи и элегантности так ясно воссоздает идеалы респектабельности 1930-х годов, что образ опознается даже и без монументального каменного танка, который украшал импост перед входом в академию. А ар-деко просто обожал такие кунштюки, стремясь превратить технику — машины, самолеты, оружие — в знак торжествующей роскоши. Безумно жаль, что этот танк был демонтирован командованием как устаревший образец вооружения.

Дело в том, что это не единственное министерство обороны, являющееся знаковым произведением ар-деко. Есть еще одно — в Лондоне. Оно, правда, построено позднее, несколько хуже нашего и гораздо более известно, благо что выходит прямо на Уайт-холл. Но главное в том, что это сходство придает работе Мун-

ца отчасти британское измерение. Ты вдруг видишь, что две армии пожелали выглядеть совершенно одинаково, и соответственно начинаешь думать о том, что и архитекторы, пожалуй, могли ощущать себя так же.

Сходство усиливается последней работой Мунца — дома отдыха Союза театральных деятелей в Щельково, имении Островского. Понятно, что это советский профсоюз с поправкой на специфику театральной аристократии, но по жанру это безумно похоже на имение британского генерала-чудака, который выстраивает в своей усадьбе все в театрализованном национальном стиле. Когда архитектор проектирует и строит усадьбу — с господским домом, домиком для гостей, службами, беседками, парком, спортивными сооружениями, то он как-то совсем перестает восприниматься как советский архитектор; кажется, что все это происходит в другой стране с другим социальным строем.

И уже из этой перспективы рассматриваешь Дом правительства в Баку. Это фантастическое летящее здание с какими-то оперными балконами, арабской вязью, готическими арками кажется прямо дворцом Аль-Бабы, особенно с рисунками интерьеров, внутренними дворами, лестницами, фонтанными группами и коврами. Сначала оно поражает сходством с современными отелями в этническом стиле на курортах Египта и Турции, но потом понимаешь, что это все же ложное сходство. Оно сделано куда тоньше и изысканнее, с куда большим вкусом. Потом находишь более точную аналогию — британское колониальное строительство в Индии в 30-е годы, где Эдвард Леченс вместе с Уильямом Валькоттом, автором нашего «Националя», спроектировали такой же фантастический, сказочный, монументальный оперный город.

Вдруг получается архитектор, который строит монументальные и элегантные здания для Минобороны, усадьбы для людей театра и губернаторские дворцы в колониях. Совершенно британская биография. Тут надо заметить, что хотя в России как-то не задалось с аристократией, но архитекторы все же предпочитали творить династиями — отец Мунца был тоже очень известным архитектором 1910-х годов. А когда рассматриваешь списки соавторов Мунца — Льва Руднева, Виктора Асса и т. д. — и опять же вспоминаешь, что у них и деды архитекторы, и внуки архитекторы, то вдруг четко возникает ощущение какого-то высшего общества, которое живет совсем своей жизнью и которому в общем все равно, какой на дворе социальный строй. Советские и британские архитекторы делают одно и то же в одной стилистике и в одно и то же время, и Мунц работает так, будто он хотя и на службе КПСС, но как будто на службе ее величества КПСС. Он совсем не отождествляется ни с армией, ни с правительством Азербайджана, они для него просто респектабельные заказчики, а он сам по себе, архитектор-аристократ. Точно так же ощущал бы себя и его британский коллега. Ну и разумеется, на 100-летний юбилей никакие заказчики для него выставки не устраивали бы. Просто была бы скромная выставка для членов клуба, в который входил бы сэр Мунц. Именно это, как ни странно, произошло с ним и в России.

380